

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Костикова Анжела Валерьевна

ТОЛКОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**Санкт-Петербург
2013**

Работа выполнена на кафедре коммерческого права
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель: **Макарова Ольга Александровна** -
кандидат юридических наук,
доцент кафедры коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного
университета

Официальные оппоненты: **Илюшина Марина Николаевна** -
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой
предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской
Федерации

Лаптева Анна Михайловна -
кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербургский филиал)

Ведущая организация: ФГБУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный экономический
университет»

Защита диссертации состоится 29 ноября 2013 года в «18» часов «15» минут на заседании Совета Д212.232.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу 199026, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 22-я линия, д. 7, Зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

В.С. Иваненко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы диссертационного исследования. В течение длительного времени в новейшей истории нашей страны развитию договорного права не уделялось достаточного внимания ни на законодательном, ни на доктринальном уровнях. Норма, посвященная толкованию договора, в праве советского периода впервые появилась в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик¹ и, несмотря на революционные изменения в экономике России, произошедшие с 1991 года, ее содержание до настоящего времени остается неизменным². Рассчитанная преимущественно на регулирование общегражданских отношений и основанная на исследованиях науки теории права о соотношении воли и волеизъявления, устанавливающая последовательность применения выработанных общей теорией права способов толкования, ее редакция в современных условиях не вполне отвечает потребностям регулирования предпринимательских отношений.

Происходящее изменение общественного строя, активизация общественной, политической и экономической жизни требует и нового правового регулирования, что реализуется, в частности, внесением существенных изменений в гражданское законодательство. Вместе с тем, наблюдающееся усложнение экономических отношений обуславливает и усложнение опосредующих их договоров, при этом признается, что многократно возрастающая вариативность поведения предпринимателей объективно не может (и не должна) быть детально законодательно регламентирована. Также и заключаемые предпринимателями договоры не всегда в состоянии предусмотреть всего многообразия ситуаций, которые могут возникнуть при их исполнении. Однако, все же при возникновении таких ситуаций, они, безусловно, требуют правового разрешения. Рассматривая конкретную правовую ситуацию, суду необходимо учитывать, что в силу высокой рискованности предпринимательской деятельности, каждое бизнес решение, закрепленное в договоре, имеет конкретные экономические последствия, которые необходимо учитывать при толковании договора. Свобода договора, как один из важнейших элементов свободы

---

¹ ст. 59 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) В соответствии с Постановлением ВС СССР от 31.05.1991 № 2212-1 данный документ введен в действие с 01.01.1992 [утратил силу].

² Ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая): Федер. закон РФ от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // СЗ РФ 05.12.1994 № 32, ст. 3301

предпринимательства, является основой любой современной экономики. В силу данного принципа, недопустимо рассматривать суд в качестве «надоргана», вмешивающегося в договор и «исправляющего» его с целью сбалансировать его содержание.

С другой стороны, предоставление предпринимателю широкой свободы усмотрения в ситуации, когда зачастую участники предпринимательских правоотношений являются объективно неравными, может приводить к злоупотреблениям, что, безусловно, требует контроля со стороны государства. При этом, само по себе признание одной из сторон правоотношения более сильной (в силу профессионального характера деятельности, экономического потенциала и т.п.) не должно рассматриваться в качестве санкции на вмешательство суда в свободу договора, поскольку такое вмешательство способно оказать негативное влияние на макроэкономическую ситуацию, ограничивая конкуренцию и повышая предпринимательские риски, негативно сказываясь, в конечном итоге, на инвестиционной привлекательности страны.

Таким образом, толкование предпринимательского договора в современном мире не должно сводиться к проверке бизнес решений, с одной стороны, но должно противостоять злоупотреблениям и недобросовестности, с другой. Задачи вмешательства государства в предпринимательские отношения должны состоять не в уравнивании экономических результатов, а в предоставлении сторонам равных возможностей и в минимизации последствий объективного неравенства сторон, что должно обеспечиваться как на этапе регламентации предпринимательских отношений законодателем, так и на этапе толкования заключенного договора судом. Как уже было отмечено, правила толкования, установленные статьей 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее- ГК РФ) эту задачу не решают.

В целях создания благоприятных условий для стимулирования предпринимательской активности, улучшения инвестиционного климата, повышения уровня правовой защищенности, инкорпорации отечественного права в право европейского союза, объективно назрела необходимость исследования проблем толкования предпринимательского договора и выработки путей их решения.

Анализ зарубежного опыта, в частности, законодательства ЕС доказывают положительный эффект от применения такого приема законодательной техники, как регулирование предпринимательских правоотношений путем установления принципов. Ясно, что позитивистское

правосознание отечественных юристов не способно немедленно и безоговорочно принять самые передовые достижения и тенденции западной правовой мысли, однако запущенные механизмы интеграции в мировое экономическое сообщество, вступление России в ВТО не оставляют возможности для России искать свой путь решения поставленных проблем и, представляется, что инкорпорация неизбежна. Вместе с тем, как экономике, так и юриспруденции необходим «переходный период», который позволит приспособить западные бизнес традиции к современным российским условиям. В свете сказанного представляется чрезвычайно важным выявить на доктринальном уровне ясные критерии, в соответствии с которыми регулирование предпринимательских правоотношений не только на основании привычных четких правовых норм, но прежде всего на основе принципов, не повлечет произвола и не создаст ситуации правовой неопределенности.

Анализ отечественной доктрины и судебной практики показывает явно недостаточную разработанность таких критериев. Зачастую, именно ссылаясь на принципы добросовестности, разумности и справедливости суд вторгается в юрисдикцию сторон, посягая тем самым на свободу предпринимательской деятельности. Такая практика, на наш взгляд, имеет место еще и потому, что анализу правовых особенностей, специфики предпринимательского договора, то есть договора, заключаемого между предпринимателями или с их участием, его отличий от договора общегражданского не уделяется должного внимания.

Особую актуальность в свете сказанного приобретает исследование принципов, используемых при толковании предпринимательского договора, выявление пределов применения этих принципов, а так же обоснование необходимости системного применения известных способов толкования – буквального, системного, телеологического и исторического. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что исследование вопросов толкования предпринимательского договора актуально с точки зрения теории, позитивного права и правоприменительной практики.

Степень научной разработанности темы. Первые известные нам исследования, посвященные толкованию текстов, относятся к IV – 1 веку до н.э. и связаны с именами таких философов, как Аристотель и Цицерон. К проблемам толкования в дальнейшем обращались Г. Гроций, Г.Ф. Пухта, Ф.К. Савиньи, позднее В. Дильтей, Ф. Жени, Р. Иеринг, П. Рикер, Ф.-Э.Шлейермахер, и другие. Исследованию проблем юридического толкования посвящены обстоятельные

работы российских ученых: Е.В. Васьковского, Н.А. Гредескула, Н.М. Коркунова, Д. И. Мейера, И.В. Михайловского, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, Г.Ф. Шершеневича. Позднее в этом направлении работали С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, Н.Н. Вопленко, О.С. Иоффе, П.Е. Недбайло, Н.Б. Новицкий, И.С. Перетерский, А.С. Пиголкин, М.Д. Шаргородский и другие.

Переход от плановой к рыночной экономике и принятие в 1991 году статьи 59 Основ гражданского законодательства, посвященной толкованию договора, явилось стимулом для исследования проблем толкования договоров. Прежде всего хотелось бы отметить работы М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, Б.И. Пугинского, В.С. Сарбаша, Л.В. Соцура, А.Ф. Черданцева, А.М. Эрделевского, В.Ф. Яковлева и других. В последние годы защищен целый ряд кандидатских и докторских диссертаций, посвященных изучению вопросов толкования гражданско-правовых договоров, в частности, необходимо отметить диссертационные исследования Е.А. Березиной, В.А. Канашевского, Н.В. Степанюк, З.М. Юдина.

Отечественные ученые и практики все чаще в своих исследованиях обращаются к проблеме толкования договоров. Вызывают интерес работы С.Ю. Болотина, М.В. Жижинной, Б.М. Сейнароева, В.Н. Урукова и других.

Кроме того, по проблеме выявления критериев добросовестности, разумности и справедливости представляют несомненный интерес работы Н.А. Власенко, Г.А. Гаджиева, К.А. Горбатова, М.М. Колесниковой, М.Ф. Лукьяненко, А.А. Пилипенко, М.В. Преснякова и других.

Между тем, внимание отечественных исследователей сосредоточено преимущественно на исследовании проблем толкования общегражданских договоров и односторонних сделок, без учета специфики предпринимательской деятельности. Традиционно больше внимания уделялось предпринимательским договорам в зарубежной доктрине. Так, несомненный интерес представляют работы К.С. Майа, В. Терлея, К. Цвайгерта и Х. Кетца и др.

При этом до последнего времени вопросы толкования предпринимательского договора в России не были предметом специального юридического научного анализа. Несмотря на актуальность комплексного исследования проблем толкования договоров, заключаемых в процессе осуществления предпринимательской деятельности, внимание большинства ученых сосредоточено, преимущественно, на исследованиях проблем применения известных способов толкования – буквального (или грамматического), системного, исторического, телеологического.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, опосредуемые договором.

Предметом исследования являются теоретические и нормативные положения по вопросам толкования предпринимательского договора, содержания и применения принципов добросовестности, разумности и справедливости при толковании договора.

Целью диссертационного исследования является построение целостной системы толкования предпринимательского договора, формулирование совокупности принципов, способов и правил, применяемых при толковании предпринимательского договора, их систематизация.

Для достижения цели были поставлены и решались **следующие задачи**:

- рассмотреть развитие теории толкования как самостоятельной теории уяснения и разъяснения содержания текстов;
- исследовать проблему соотношения воли и волеизъявления;
- выявить особенности предпринимательского договора как объекта толкования;
- аргументировать необходимость использования при толковании предпринимательского договора общеправовых принципов – добросовестности, справедливости, разумности;
- исследовать понятие и содержание принципов добросовестности, справедливости и разумности применительно к толкованию предпринимательского договора;
- исследовать известные способы толкования,
- установить, с учетом принципов толкования, последовательность и пределы применения способов толкования,
- выявить и сформулировать с учетом специфики предпринимательской деятельности правила толкования, применяемые при каждом способе толкования.
- выработать предложения по совершенствованию действующего законодательства по вопросу толкования предпринимательского договора.

Методологической основой диссертационного исследования является применение всеобщих принципов научного познания (объективности, всесторонности, полноты), общенаучных методов познания (лингвистического, логического - анализ, синтез, индукция, дедукция и т.д.) и специальных частно-научных методов исследования (сравнительно-

правового, формально-юридического). Исторический и системные методы позволили изучить тенденции в развитии изучаемого объекта, выявить закономерности и поставить правовые проблемы. Наиболее важными в данной работе являются метод сравнительного правоведения, который применялся для изучения тенденций преодоления выявленных проблем в международном и иностранном праве, позволил сравнить различные подходы к решению поставленных задач и послужил основой для выработки предложений для их преодоления, применительно к толкованию предпринимательского договора в Российской Федерации. Эмпирический метод позволил проанализировать обширную судебную практику, как российских, так и иностранных судов, а также правовые позиции Конституционного суда РФ по вопросам толкования. Комплексное использование названных методов позволило диссертанту изучить объект исследования целостно и всесторонне.

Теоретическую основу исследования составили ключевые теоретические положения, содержащиеся в трудах С.С. Алексеева, М.И. Брагинского, Е.В. Васьковского, В.В. Витрянского, Н.Н. Вопленко, Г.А. Гаджиева, Н.М. Коркунова, П.Е. Недбайло, И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского, Л.И. Петражицкого, А.С. Пиголкина, И.А. Покровского, В.С. Сарбаша, Ю.К. Толстого, А.Ф. Черданцева, А.М. Эрделевского, В.Ф. Яковлева и других. Особое место в исследовании занимают теоретические разработки в области предпринимательского права, нашедшие отражение в работах А.Ю. Бушева, С.С. Занковского, К.К. Лебедева, О.А. Макаровой, О.М. Олейник, В.Ф. Попондопуло, Б.И. Пугинского, В.Ф. Яковлевой и других.

При исследовании использовались следующие источники: Конституция РФ 1993 г.; международные договоры и акты международных организаций, федеральные законы, иные нормативные правовые акты, а также нормы иностранного права, посвященные толкованию. В работе исследованы судебные акты Конституционного Суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции, третейских судов, а также решения иностранных судов по вопросам толкования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании проблем толкования предпринимательского договора на основе изучения специфики предпринимательской деятельности, обоснование необходимости применения общеправовых принципов добросовестности, разумности и справедливости при толковании

предпринимательских договоров, раскрытии их содержания применительно к исследуемому предмету, систематизации известных способов толкования – буквального, системного, телеологического, исторического, установление их иерархии и пределов применения, а так же развивающих их правил.

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие **основные положения и выводы, выносимые автором на защиту:**

1. Традиционные способы толкования договора, закрепленные в ст. 431 ГК РФ и сформированные преимущественно на основе позитивистского подхода к правопониманию, не соответствуют в полной мере современным нуждам коммерческого оборота в условиях конкуренции и свободы предпринимательской деятельности, поскольку не учитывается специфика предпринимательской деятельности (ее цель, рисковый и самостоятельный характер), не обеспечивается необходимый баланс частных и публичных интересов. Доказывается, что при толковании договора коллизия теории воли и теории волеизъявления должна решаться на основе принципов добросовестности, разумности и справедливости.

2. Отсутствие единообразия в понимании содержания названных принципов может приводить к их произвольному применению, что, в свою очередь, способствует несоразмерному повышению предпринимательских рисков и нарушению баланса частных и публичных интересов. Доказывается, что для защиты различных интересов в процессе судебного контроля предпринимательского договора должны применяться выявленные диссертантом на основе анализа специфики предпринимательской деятельности признаки принципов добросовестности, разумности и справедливости.

3. Доказывается, что принципы добросовестности, разумности и справедливости взаимосвязаны, и поэтому положительный эффект, выражающийся в установлении баланса интересов, может быть получен только при условии совместного применении этих принципов. Действие данных принципов в отношении всех условий договора презюмируется, если иное не доказано стороной или не является очевидным из обстоятельств дела.

4. Диссертантом предлагается при толковании договора, учитывая иерархию способов толкования и необходимость системного подхода к толкованию, выделить две стадии толкования: а) основную – стадию уяснения волеизъявления, включающую буквальный и системный способы толкования, и б) субсидиарную - стадию уяснения воли, включающую

телеологический и исторический способы толкования. На основе принципов толкования сделаны предложения по определению пределов применения каждой стадии толкования и условий перехода к субсидиарной стадии.

5. На основании выявленных диссертантом принципов толкования предпринимательского договора систематизированы правила толкования, применяемые на каждой рассмотренной стадии толкования.

6. В диссертации содержатся предложения по совершенствованию действующего законодательства, в частности, предлагается изложить ст. 431 ГК РФ в новой редакции.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные в нем выводы развивают и дополняют знания в области юридической техники, толкования, служат основой для проведения дальнейших научных исследований.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью непосредственного применения сделанных автором выводов и предложений в правоприменительной практике, а также тем, что теоретический анализ проблемы, составляющий предмет диссертационного исследования, и сделанные выводы могут быть использованы как для дальнейшего совершенствования действующего законодательства и правоприменения в российской правовой системе, так и в образовательном процессе при преподавании соответствующего раздела курса «Коммерческое право» и спецкурсов, в том числе, для подготовки учебно-методических материалов.

Апробация результатов диссертации. Диссертация подготовлена на кафедре коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, где проведены ее обсуждение и рецензирование. Основные положения нашли отражение в статьях, опубликованных в различных юридических изданиях.

Структура работы обусловлена поставленной целью исследования и направлена на решение установленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, состоящих из двенадцати параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень научной разработанности, правовая и теоретическая основа, формулируется объект и предмет исследования, его цели, задачи и методы, формулируются основные положения, обладающие научной новизной и выносимые на защиту, обосновывается их теоретическое и практическое значение, приводятся данные об апробации полученных результатов.

Первая глава «Общие положения толкования предпринимательского договора» состоит из трех параграфов и содержит теоретические положения о понятии толкования. В главе рассматривается общий круг проблем, возникающих при толковании предпринимательского договора: исследуется специфика предпринимательского договора, выявляются субъекты толкования. На основе истории развития учения о толковании и анализе зарубежного опыта рассматриваются проблемы соотношения воли и волеизъявления, значение формы договора для толкования, обосновывается, на основе анализа специфики предпринимательской деятельности, выделение предпринимательского договора в качестве самостоятельного объекта толкования.

В первом параграфе «Содержание понятия «толкование», общетеоретические проблемы толкования» обосновывается необходимость учета достижений герменевтики, структурализма и развивающей его теории языка при толковании договора, поскольку такие достижения в целом сводятся к требованию применения знания, концептуальности, системности и контекстуальности, выработке точных языковых форм. Доказывается необходимость основывать учение о толковании договора на достижениях теории толкования права. Выявляется гносеологический аспект толкования, который состоит в анализе интерпретационной деятельности, как процесса и результата, то есть понимании толкования как двуединого процесса уяснения содержания предписания и его разъяснения, чем обуславливаются требования к результату толкования.

Во втором параграфе «Специфика предпринимательского договора как объекта толкования» доказывается вывод о том, что в толковании нуждаются все договоры, а не только «неясные». Отмечается, что несмотря

на то, что подавляющее число договоров имеет письменную форму, объектом толкования также могут являться устная речь и конклюдентные действия, а так же в определенных случаях - молчание и бездействие. В отличие от толкования нормативных актов и односторонних сделок, при толковании договоров необходимо учитывать двусторонний (многосторонний) характер отношений, то есть тот факт, что стороны, заключая договор, в одни и те же условия могли вкладывать различное понимание, соответственно, формулируется задача учесть при толковании такое возможное несовпадение и установить совместную волю сторон. На основе исследования одной из центральных проблем толкования – проблемы соотношения воли и волеизъявления - выявлена тенденция, согласно которой независимо от того, какая из теорий – приоритета воли или волеизъявления - избрана законодателем в качестве общего принципа, объектом толкования является воля сторон. При этом, содержание воли определяется исходя из того, как эта воля выражена во вне, то есть соответствие волеизъявления воле презюмируется. Это означает, что сторона, формулируя свою оферту, должна сделать ее максимально полной и понятной для той стороны, к которой она адресована, и несет риск ошибки в понимании своих намерений контрагентом. В предпринимательских договорах, которые зачастую заключаются удаленно, носят унифицированный, массовый характер, стороны объективно не имеют возможности выяснять истинные намерения друг друга (внутреннюю волю) и полагаются на волеизъявление как на их адекватное выражение. Обосновывается, что решающее значение имеет не внутренняя воля стороны, а то, как эта воля должна быть понята контрагентом – то есть лицом, обладающим нормальными знаниями и квалификацией в кругу лиц, к которым эта оферта адресована.

Автор присоединяется к пониманию предпринимательского договора как договора, заключаемого в связи с осуществлением предпринимательской деятельности по крайней мере одной из сторон. В исследовании ставится задача установить, обладает ли предпринимательский договор такой спецификой, которая позволила бы исследовать его в качестве самостоятельного объекта. Положительно отвечая на данный вопрос, автор основывается на анализе специфики отношений, которые опосредуются таким договором. Отмечается, что при толковании предпринимательского договора необходимо учитывать его самостоятельный, направленный на

получение прибыли, профессиональный и рисковый характер, которые влияют на распределение рисков между сторонами и степень вмешательства государства в их отношения. В отличие от разовых бытовых сделок, заключаемых гражданами между собой, предпринимательские отношения в большей степени регулируются обычаями, деловыми обычкновениями, сложившейся практикой. Они зачастую более типизированы и, как следствие, у присоединяющейся стороны меньше возможностей влиять на ее содержание. Значительное число договоров, заключаемых предпринимателями, являются, по сути, договорами присоединения. Все это также позволяет выделять предпринимательский договор в качестве самостоятельного объекта исследования. Делается вывод о том, что специфика предпринимательского договора как объекта толкования обусловлена самой спецификой предпринимательской деятельности и, как представляется, должна сводиться не к простому определению последовательности известных способов толкования – буквального, системного, телеологического и исторического, но и позволять установить баланс интересов сторон, не осуществляя при этом проверки экономической целесообразности и эквивалентности условий договора.

В третьем параграфе «Субъекты толкования предпринимательского договора» обосновывается вывод о том, что положение статьи 431 ГК РФ, согласно которому толкование условий договора осуществляется судом, надлежит признать правильным. Судебный акт по конкретному делу обладает статусом официального толкования. Такое официальное казуальное толкование - то есть разъяснение, изложенное в судебном акте, должно отвечать критериям мотивированности, научности, обоснованности и проверяемости; суд в мотивировочной части судебного акта обязан указать, при помощи каких приемов толкования ему удалось прийти к определенным выводам и по каким мотивам он предпочел ту или иную интерпретацию договора. Признание за судом права толкования договора обусловлено тем, что все условия обязательства могут быть установлены с учетом объективного исследования всех обстоятельств дела, что доступно в случае спора между сторонами только суду. Между тем, изложенное не означает, что субъектом толкования может быть только суд. В силу свободы договора, закрепленной ст. 421 ГК РФ, условия договора определяются по усмотрению сторон и, таким образом, любые соглашения сторон, касающиеся толкования, имеют статус официального толкования.

Только единое понимание сторонами договора спорного условия, не зависимо от того, в какой момент оно достигнуто – при заключении договора или уже в процессе рассмотрения спора судом, является официальным, то есть обязательным. В силу состязательности процесса, суд обязан руководствоваться таким единым (совместным) толкованием, представленным сторонами. При этом, результат толкования может быть оформлен договором констатации (признания), мировым соглашением, иным способом, позволяющим установить совместное понимание сторонами спорного условия. Толкование договора, осуществляемое стороной при его исполнении, а так же представленное ей в случае спора является неофициальным и не имеет для суда заранее установленной силы. Также к актам неофициального толкования относится отчет специалиста или заключение лингвистической экспертизы по вопросу интерпретации спорного условия соглашения. Неофициальное толкование играет важную роль в процессе выработки принципов, подходов и правил толкования и оказывает заметное влияние на совершенствование техники толкования.

Вторая глава «Понятие и значение принципов при толковании предпринимательского договора» состоит из четырех параграфов. В ней доказывается неэффективность произвольного применения выработанных теорией права способов и правил толкования, обосновывается необходимость их системного применения – то есть выявление иерархии и последовательности применения. Как любая система она должна быть логичной, последовательной и сбалансированной. Достижение этой цели возможно при формулировании основных начал – принципов толкования, которые применяются постоянно, непосредственно, определяя сущность и содержание системы толкования. В качестве таких принципов предлагается использовать общеправовые принципы добросовестности, разумности и справедливости, раскрывается их понятие и содержание.

В первом параграфе «Проблема формулирования принципов при толковании» отмечается, что в целом, необходимость формулирования принципов толкования разделяется большинством ученых, однако единый подход к формулированию таких принципов до настоящего времени не выработан. Недостатком предлагаемых наукой принципов следует признать их чрезвычайно узкий (когда в качестве принципа предлагается, например, «*Lex specialis derogate generali*» и т.п.), или, напротив, слишком широкий

характер (например, принцип юридического равенства субъектов гражданско-правовых отношений, самостоятельности, инициативы и свободы договора и т.п.) Очевидно, что первые – это частные правила толкования, не отвечающие необходимым для принципов критериям, а вторые – это общецивилистические принципы, непосредственное применение которых задачу толкования конкретного договора не решает.

Отмечается, что поскольку принципы толкования - это основные подходы, направления для уяснения смысла текста, то их применение зачастую опосредовано более конкретными правилами. При этом, автор обосновывает вывод о том, что необходимо поддержать законодателя, воздерживающегося от определения и наполнения названных принципов, поскольку это позволит судебной власти эффективно обеспечивать баланс интересов сторон. Отмечается, что приводимые в последующих параграфах правила устанавливают лишь вектор применения рассматриваемых принципов.

Во втором параграфе «Принцип добросовестности при толковании предпринимательского договора: понятие и применение в отечественной и зарубежной судебной практике», автор отмечает, что придерживается взгляда на добросовестность как на субъективную категорию, отражающую внутреннее отношение предпринимателя к обязательству и предлагает принцип добросовестности при толковании предпринимательских договоров сформулировать следующим образом. О каких бы способах волеизъявления стороны (письменных, устных, конклюдентных, молчании) ни шла речь, другая сторона вправе руководствоваться обычным пониманием такого изъяснения, принятым в соответствующей отрасли предпринимательской деятельности, рассчитывать на такое понимание и действовать сообразно ему (если между сторонами прямо, либо в результате сложившейся между ними практики не принято иное). В случае, если другая сторона, видя ошибку в понимании своего контрагента не указывает на его ошибку, а равно в случае, если специально вводит его в заблуждение, она признается недобросовестной и несет соответствующие неблагоприятные последствия. Исходя из приведенного определения, обосновывается выделение следующих критериев добросовестности:

1. Добросовестность при заключении сделки – «добросовестность при переговорах». Обосновывая отсутствие в современном отечественном законодательстве эффективных правовых

механизмов защиты от недобросовестного поведения сторон до заключения договора, автор поддерживает предложения по дополнению ГК РФ положением об установлении ответственности за недобросовестное поведение при переговорах, например, за вступление стороны в переговоры без намерения заключить договор, введение другой стороны в заблуждение относительно характера или условий предполагаемого договора, внезапное и безосновательное прекращение переговоров без уведомления другой стороны и т.п.

2. «Верность договору», то есть положение, при котором стороны считают себя связанными принятыми на себя обязательствами. Соответственно недобросовестным является отрицание того, что ранее признавалось. В связи с этим, автор поддерживает предложения по внесению изменений в Гражданский кодекс РФ, согласно которым «сторона, принявшая от контрагента исполнение по договору и в то же время не исполнившая своего обязательства (полностью или частично), не вправе требовать признания договора недействительным».
3. Добросовестность текста договора. Суть этого правила состоит в том, что стороны должны избегать использования языка, терминов, иных приемов, которые затрудняют понимание договора другой стороной, в частности: использование сложного языка, когда это не является необходимым, исполнение текста договора способом, затрудняющим его понимание – мелким шрифтом, быстрой демонстрацией на мониторе, и т.п. Автор поддерживает позицию о необходимости признания таких положений недействительными.

Кроме того, раскрывая понятие добросовестности при толковании, автор специально отмечает также необходимость проявления добросовестности при толковании. Данное правило выражается, в частности, в том, что при толковании следует руководствоваться тем пониманием, которое сложилось (или должно было сложиться) у контрагента, учитывая его квалификацию и опыт.

В третьем параграфе «Принцип разумности: понятие и значение в судебной практике» обосновывается вывод о том, что разумность при толковании имеет отношение к результатам толкования и направлена на выявление судом договорного обязательства в целом и на сохранение всех его условий. Разумность при толковании проявляется в следующих правилах:

1. Толкование должно быть таким, чтобы соглашение было действительным, а не бездейственным, то есть результат толкования должен приводить к выявлению содержания обязательства, а не к его аннулированию. Рассматриваемое правило применимо не только ко всему договору в целом, но и к каждому его положению.
2. При толковании неясных положений должен быть избран тот смысл, который не является бесполезным. При этом, полезность и целесообразность положения рассматриваются на момент возникновения спора, а не на момент подписания договора. Предполагается, что данное положение сохранило свою значимость для сторон, иначе своим дополнительным соглашением стороны внесли бы в него соответствующие изменения. Кроме того, в случае изменения договора, суд может воспользоваться «правилом Хейдона» (правило устранения зла, *«mischief rule»*), сформулированным английским судом в 1584 г. Суть этого правила состоит в том, что для того, чтобы определить, что стороны хотели изменить, необходимо обратиться к предыдущей редакции текста документа.
3. Заявления и иное поведение стороны должны толковаться в соответствии с тем пониманием, которое имело бы разумное лицо, действующее в том же качестве, что и другая сторона при аналогичных обстоятельствах. Иными словами, если контрагентом является предприниматель, то он должен знать термины и обычаи, принятые в соответствующей сфере бизнеса, а если потребитель – такими специальными знаниями он обладать не должен. При этом, как и всякое иное, данное правило должно применяться с учетом правила добросовестности толкования, то есть с учетом действительного понимания, сложившегося у стороны.

В четвертом параграфе «Принцип справедливости: нахождение баланса интересов сторон предпринимательского договора» анализируются различные подходы к содержанию понятия «справедливость». Отмечается, что поскольку те образы духовного мира, которые мы вкладываем в понятие справедливости, лишены объективного содержания, то есть необходимого критерия научности, и всегда идеологически наполнены, то споры о содержании принципа справедливости неизбежны. Обобщив различные взгляды, автор приходит к выводу, что справедливость заключается в том, чтобы каждый получал то, на что имеет

право, не нарушая при этом прав других лиц. Баланс своих и чужих интересов в качестве критерия справедливости ставит во главу угла и Конституционный суд РФ. Автор подчеркивает, что обеспечение баланса прав и законных интересов всех участников гражданского оборота, возможно лишь на основе соразмерности и пропорциональности, с тем, чтобы суд, избегая немотивированного вмешательства в сферу экономических интересов сторон, обеспечивал защиту их интересов. Специфика предпринимательской деятельности, характеризующаяся рискованным характером, с одной стороны, и в потенциальной возможностью нарушения прав неопределенного круга лиц, с другой стороны, должна ограничивать чрезмерно широкую трактовку принципа справедливости. Справедливость в предпринимательских отношениях, выражающаяся в обеспечении баланса прав и законных интересов сторон, не тождественна уравнительному распределению. В предпринимательской деятельности и так хватает ситуаций неопределенности, чтобы их увеличивать. Передавая спор на рассмотрение суда, предприниматели вправе рассчитывать на то, что он будет разрешен на основании законно заключенного ими договора и применимого права, а не на основании свободного трактуемой судом идеи «обеспечения баланса» интересов сторон. И поэтому, любое вмешательство в соглашение предпринимателей с целью уравнивания их прав, обязанностей и ответственности, а так же под девизом «недопущения неосновательного обогащения» не будет справедливым. Обосновывается, что справедливость при толковании сводится к оценке возможностей каждой стороны самостоятельно определять условия обязательства. При наличии такой возможности суд не вправе давать оценку взаимной эквивалентности договорных условий, экономической выгоде договора в целом для каждой из сторон. На основании изложенного, сформулированы следующие правила применения принципа справедливости при толковании предпринимательских договоров:

1. Результаты толкования не должны нарушать интересы одного из субъектов. В силу того, что равенство сторон предпринимательского договора зачастую носит лишь декларативный характер, баланс интересов должен обеспечиваться предоставлением определенных преимуществ более слабой стороне. Вместе с тем, выявление более слабой стороны в отношениях не всегда очевидно, а, кроме того, преимущества, предоставляемый такой слабой стороне должны, в свою очередь,

обеспечивать баланс интересов сторон, а не ставить слабую изначально сторону в привилегированное положение. Автор поддерживает подход, направленный на защиту интересов более слабой стороны, применяемый на Западе, согласно которому суд не оценивает конкретное договорное условие, он исследует вопрос о том, явилось ли данное условие результатом соглашения сторон и не было ли оно навязано более слабой стороне. То есть, если более слабой стороне была предоставлена реальная возможность повлиять на содержание обязательства, его интересы не могут считаться нарушенными.

2. Условия об установлении /ограничении / исключении ответственности расширительному толкованию не подлежат. То есть, условие, касающееся ответственности, должно быть сформулировано таким образом, чтобы не могло быть сомнений в том, что оно применимо к данной конкретной ситуации.

3. *Contra proferentem rule*. Данное правило является общепризнанным в международной коммерции и сводится к тому, что условия толкуются против представляющей их стороны. Применение рассматриваемого правила возможно лишь с учетом принципа добросовестности, выражающегося, в данном случае, в разумной осмотрительности стороны. Так, сторона, не проявившая при заключении договора разумную и необходимую осмотрительность, ту степень заботливости, которую предполагает ее статус, не вправе рассчитывать на то, что ее пассивность будет истолкована в ее пользу с учетом применения правила «*contra proferentem rule*». Представляется, что применение данного правила должно ограничиваться только теми случаями, когда сторона объективно не могла повлиять на содержание договора, в частности, при заключении договора присоединения, и ее пассивность не вызвана простой неосмотрительностью и бездеятельностью.

4. Толкование сомнений в пользу обязанного лица.

Третья глава «Особенности применения общеправовых способов толкования при толковании предпринимательского договора» состоит из пяти параграфов. В главе рассматриваются теоретические и практические вопросы наполнения системы толкования предпринимательского договора конкретным содержанием – стадиями, способами и развивающими их правилами, основанными на рассмотренных во второй главе принципах

толкования и учитывающих специфику предпринимательской деятельности.

В первом параграфе «Понятие способов толкования и проблемы их классификации» автор исследует существующие классификации способов толкования. Делается вывод о том, что, несмотря на большое количество исследований в данном направлении, единой классификации до настоящего времени не выработано.

Обосновывается необходимость сведения известных способов толкования в систему. Учитывая известные логические требования к классификации (соразмерность деления, единое основание для деления, непересечение, непрерывность) автор предлагает следующее построение системы толкования предпринимательских договоров: принципы (наднормы, которые определяют содержание всей системы), стадии, каждая из которых включает определенные способы, а так же правила, которые в свою очередь, применяются при определенном способе толкования.

В отличие от принципов, которые применяются непосредственно при любом способе толкования и позволяют правильно интерпретировать договор в случае конкуренции способов, стадии толкования определяют объем толкования, то есть те пределы, в которых должно осуществляться толкование и дают, в определенных случаях, санкцию на углубление в исследование договора. Автор предлагает выделять две стадии толкования – основную – стадию уяснения волеизъявления и субсидиарную – стадию уяснения воли. На стадии уяснения волеизъявления анализу подвергается обязательство, исходя из того, как его условия были предписаны императивной нормой, сформулированы сторонами, диспозитивной нормой и обычаями. Таким образом, стадия уяснения волеизъявления включает помимо способа буквального толкования способ системного толкования, в рамках которого договор исследуется не сам по себе, а в структуре норм, регламентирующей соответствующий вид общественных отношений. При этом, суд, толкуя договор, обязан завершить данную стадию целиком, то есть применить оба названные способа. В данном подходе проявляется такие черты научного познания как системность и контекстуальность. Исходя из изложенного, делается вывод о том, что конструкция ст. 431 ГК РФ, согласно которой обычаи делового оборота принимаются во внимание при установлении воли сторон является ошибочной. Результатом завершения стадии уяснения волеизъявления должно явиться либо мотивированное разъяснение спорного условия, либо аргументированный вывод о том, что

соглашение является: двусмысленным (в том числе когда не представляется возможным однозначно определить содержание обязательства), либо имеются признаки, указывающие на пороки воли, чем обосновывается переход к субсидиарной стадии установления воли.

Субсидиарность стадии установления воли обосновывается общепризнанным подходом, согласно которому «где смысл виден ясно и определенно, там больше нечего искать другого смысла». На стадии толкования воли суд использует телеологическое и историческое толкование. Телеологическое толкование предполагает исследование цели договора с учетом специфики предпринимательской деятельности, при этом смысл договора в целом или его конкретного условия устанавливается в зависимости от тех конечных результатов, на достижение которых было направлено спорное условие. Историческое толкование может быть как ретроспективным, так и перспективным, то есть учитывать как обстоятельства заключения договора (предшествующие переговоры, переписку, практику, установившуюся во взаимоотношениях сторон), так и обстоятельства его исполнения (последующее поведение сторон). Кроме того, данный способ применяется для анализа тех изменений, которые вносились сторонами в договор.

Автором обосновывается ошибочность выделения логического способа толкования в качестве самостоятельного способа, поскольку логические законы применяются на любом этапе мышления и проявляются при использовании всех способов толкования.

Во втором параграфе «Буквальное толкование» автор обосновывает применение данного термина (в отличие от иных - «грамматическое», «словесное» и т.п.) тем, что несмотря на преобладание лингвистического толкования, объектом интерпретации может являться не только речь (устная или письменная), но также конклюдентные действия и молчание.

При буквальном толковании, в отличие от других способов толкования, контекст не имеет значения. Лингвистическое толкование начинается с лексического анализа используемых слов. Особенностью предпринимательского договора является широкое использование профессиональных терминов и аббревиатур. Их отличает смысловая однозначность, лаконичность, системность, профессиональный характер использования. Автором исследованы и обобщены правила толкования терминов и аббревиатур.

Лексический анализ необходимо дополнить синтаксическим и стилистическим анализом, устанавливая содержание спорного условия на основании сочетания использованных слов и строения предложения в соответствии с Правилами русской орфографии и пунктуации. В случае, когда для установления содержания спорного условия требуются специальные познания специалиста — лингвиста, следует решать вопрос о назначении экспертизы. Отмечается, что негативная практика российских судов по вопросу назначения лингвистической экспертизы обусловлена ошибочной позицией о том, что данные обстоятельства относятся к вопросам права, соответственно, их выяснение являются прерогативой суда. Между тем, заключение лингвистической экспертизы (так же как и привлечение специалиста – профессионала в конкретной области предпринимательской деятельности) позволяет определить значение используемых слов и выражений и должно рассматриваться как один из способов доказывания, поскольку направлено на установление значения, а не юридической силы этих слов, что действительно относится к компетенции суда. Отмечается также важность стилистического анализа текста. Такие распространенные стилистические ошибки, как повторы, неправильное словоупотребление, тавтология, и т. п. затрудняют понимание условий договора. Кроме того, требование краткости юридических текстов вызывает необходимость использования определенного стиля, который заключается, в том числе, в использовании различных речевых приемов. Так, например, необходимо упомянуть о таких экзотических приемах, как использование фразеологизмов, тропов, метафор, метонимии, оксюморон, гипербол и проч. Признается, что применение подобных иносказательных выражений в текстах документов — большая редкость, но в случае их наличия, для правильной интерпретации, безусловно, необходимо обращение к соответствующему словарю или иному источнику. Так, например, под словесным обозначением "КЛЮКВА", были зарегистрированы товары 30 класса МКТУ (конфеты, карамель, мармелад, зефир, драже, вафли, печенье с начинкой), а «зверинцем» была названа портретная галерея.

Следующим этапом лингвистического толкования является логический анализ речи. Необходимость логического анализа обусловлена тем, что каждое предложение представляет собой с логической точки зрения — суждение. Обосновывается необходимость применения выработанного английскими судами правила о подобии- то есть, если вещи, описываемые

определенными словами, имеют некую общую характеристику, объединяющую их в род, то основные слова, следующие за ними, должны ограничиваться вещами этого рода и напротив, если такой общей характеристики нет, то перечисление не должно толковаться ограничительно.

В третьем параграфе «Системное толкование. Значение обычаев при толковании предпринимательских договоров» обосновывается необходимость при помощи таких основных приемов как сравнение и отграничение, учитывать иерархию норм гражданского права и не ограничиваться только текстом исследуемого договора, поскольку в определенных случаях условия договора автоматически дополняются установленным диспозитивной нормой или обычаем правилом, если стороны не договорились об их неприменении. Автор не поддерживает изменения, внесенные в гражданский кодекс РФ, исключившие ограничения на применение обычаев только к сфере предпринимательской деятельности. Особенностью обычая является его многократное применение, в силу чего он рассматривается участниками правоотношения как ясное и обязательное правило и наряду с законом выступает одним из источников права. Бытовые сделки, заключаемые между гражданами, в отличие от систематических предпринимательских, не являются настолько регулярными и массовыми, чтобы в силу многократного повторения какого-либо правила оно приобрело обязательный характер. Более того, даже в сфере предпринимательской деятельности, позитивистский уклон отечественной правоприменительной практики существенно затрудняет доказывание содержания обычая, поскольку, в отличие от других источников права, последний, зачастую, письменно не зафиксирован. Согласно отечественной доктрине обычай относится к источникам права, на суд должна быть возложена обязанность его знать и применять. Между тем, поскольку обычаи могут складываться в узкой отрасли предпринимательской деятельности, указанная обязанность вряд ли исполнима, в связи с чем предлагается дополнить часть 1 статьи 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ абзацем следующего содержания: «по требованиям, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской и иной экономической деятельности, обязанность доказывания содержания обычая может быть возложена судом на стороны».

Помимо обычаев делового оборота, еще одним из регуляторов поведения предпринимателей являются деловые обыкновения, которые, в отличие от обычаев, не относятся к источникам права и применяются только

при согласии сторон на их применение. Соответственно, обязанность по доказыванию наличия и содержания деловых обыкновений возлагается на стороны, поскольку применение данных понятий возможно лишь в случае согласия сторон на их использование. Вместе с тем ряд деловых обыкновений закреплен в специальных сборниках и хорошо известен, что облегчает доказывание. К таким широко известным деловым обыкновениям относятся, например, Инкотермс, Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов и т. д.

В четвертом параграфе «Телеологическое (целевое) толкование» рассматривается первый из способов субсидиарной стадии толкования – установления воли. Как уже было отмечено, переход к данной стадии должен быть обоснован либо невозможностью установить содержание обязательства исходя из толкования волеизъявления, либо обоснованными сомнениями в том, что воля стороны была учтена и нашла адекватное отражение в договоре. Поскольку телеологическое (целевое) толкование применяется на стадии установления воли, отмечается необходимость установления действительной общей воли сторон, а не воли каждой из них. Автор обращает внимание на различия в подходах к определению намерения сторон странах с англо-саксонской и пандектной системой права. Так, в англо-саксонской системе права значение придается тому, какое намерение имело бы разумное лицо, если бы оно оказалось в положении стороны контракта, в пандектной – исследуется понимание конкретного контрагента. В любом случае, признается, что в договоре значение имеет не истинный смысл предложенного одним из партнеров, а то, как другой партнер должен был его понять в данных обстоятельствах (обладая соответствующей его положению квалификацией и информацией о причинах сделки). То есть, с учетом принципа добросовестности сторона вправе рассчитывать на то, что ее контрагент понимает и действует также как любое разумное лицо его квалификации при данных обстоятельствах, если ей не известно другое (например, в силу предшествующих отношений, существа поступивших от контрагента запросов и т.п.).

Также автор указывает на возможность при определенных обстоятельствах дополнить договор условиями, которые стороны подразумевали, но не включили в текст договора. Анализируя международное и зарубежное законодательство и судебную практику, автор в целом поддерживает подход, согласно которому для восполнения пробела в

договоре суд, с учетом принципа разумности и экономической целесообразности, привносит в него положение, которое позволяет получить тот экономический или социальный эффект, на достижение которого и был направлен договор. Отмечается, что особенностью телеологического толкования предпринимательского договора является необходимость учета принципа экономической целесообразности, который, в общем виде сводится к уменьшению затрат, поскольку это увеличит прибыль, что признается нормальным поведением предпринимателя. Вместе с тем, обращается внимание на важность, как отметил Г. А. Гаджиев, «разумного самоограничения» толкователя, с тем, чтобы суд не вторгнулся в суверенитет предпринимателей и не дополнил договор условиями, которые из договора не следуют, но кажутся суду эффективными и разумными.

В пятом параграфе «Исторический способ толкования» рассматриваются правила определения воли сторон на основе анализа обстоятельств, сопутствующих договору - предшествующих договору переговоров и переписки, практики, установившейся во взаимных отношениях сторон, последующего поведения сторон. Отмечается, что и историческое толкование применяется преимущественно для восполнения пробелов и при исправлении ошибок. В параграфе рассматриваются спорные вопросы исследования преддоговорных материалов и практики, установившейся во взаимоотношениях сторон, делаются выводы о возможных случаях и способах их использования. Анализируется судебная практика по вопросу доказывания воли сторон путем анализа поведения сторон после заключения договора.

В Заключении автор аргументирует свою позицию по вопросу законодательной регламентации процесса толкования. Автор полагает, необходимым и достаточным инструментом решения данной проблемы будет изменение редакции ст. 431 Гражданского кодекса РФ, посвященной толкованию, а развитие и наполнение принципы и способы толкования должны получить в судебных актах и в первую очередь, судебных актах высших судебных инстанций и доктрине. Автор приходит к выводу о том, что в силу диалектики нормы договора и реальной ситуации, возникшей при его исполнении, в толковании нуждается любой договор.

Предлагается изложить ст. 431 ГК РФ в следующей редакции:

1. При толковании договора суд, руководствуясь принципами

добросовестности, разумности и справедливости, устанавливает его содержание путем буквального и системного анализа его положений, с учетом применимого права, включая обычаи.

2. С целью сохранения, а не аннулирования обязательства суд, при неясности волеизъявления, обязан установить действительную общую волю сторон, учитывая цель договора, поведение сторон и практику, установившуюся во взаимоотношениях сторон.

Основные научные результаты диссертации Костиковой А.В. опубликованы в научных статьях общим объемом 7,1 п.л.

Публикации в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Костикова А.В. Принцип справедливости при толковании предпринимательского договора// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2012 № 4. С. 42-52 (1 п.л.).

2. Костикова А.В. Значение принципов добросовестности и разумности при толковании предпринимательского договора// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2013. Вып. 3 С 11-22 (1,1 п.л.).

Публикации в иных научных изданиях:

3. Костикова А.В. Буквальное толкование договора //Арбитражные споры. № 4 (60)с. 121-136. (1,3 п.л.)

4. Костикова А.В. Толкование юридических текстов и основные подходы к толкованию // Арбитражные споры. № 2 (34) с. 111-140 (2,7 п.л.)

5. Костикова А.В. Выкупная стоимость предмета лизинга //Лизинг Ревю 2006 № 2 от 14.04.2006 (0,3 п.л.)

6. Костикова А.В. Договор лизинга недвижимости //Лизинг ревью, 2005, №3. (0,5 п.л.)

7. Костикова А.В. Лизинг зданий и сооружений //Юрист и бухгалтер . - 2004. - № 3 (16). Спец. вып. - С. 36 – 43 (0,2 п.л.)